

границы проявления свободы, сущность этого концепта как одной из главных ценностей «Открытого общества».

Вспомним афоризм – «городской воздух делает человека свободным». В эпоху становления западного либерально-демократического общества в этом понятии концентрировались все значимые ценности человеческой жизни. Ныне параметры, позволяющие оценивать значение города в системе мировых городов – деловая и политическая активность, информационный обмен, индекс человеческого капитала, событийность культурной жизни, – технологичны в смысле количественной измеримости показателей, но весьма далеки от метафизической составляющей человеческого бытия.

Литература:

1. Степанов, А.А. Архитектура и психология: Учеб. пособие для вузов / А.А. Степанов. – М., Стройиздат, 1993.

2. Слотердаик, П. Макросферология: в 3-х т. / П. Слотердаик. – Т.1.: Пузыри. – М.: Наука, 2010.

3. Цит. по: Филиппов, А.Ф. Пустое и наполненное: трансформация публичного места. Социологическое обозрение / А.Ф. Филиппов. – Т. 8. – № 3. – 2009.

4. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У- Фактория, 2004.

5. Глазычев, В.Л. От традиционной формы города – к мегаполису / В.Л. Глазычев // Города мира – мир города. – М.: «Северный Паломник», 2009.

6. Слотердаик, П. Сферы: Плюральная сферология / П. Слотердаик. – Т. III: Пена. – СПб.: Наука, 2010.

7. Город в контексте глобальных процессов. – М.: МГУ, 2011.

ФЕНОМЕН НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: ГЕНЕЗИС В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Круподеря, г. Минск, Беларусь

Вторая половина XX - начало XXI вв. отмечены множеством новаций в социокультурной и духовной жизни, оказывающих значительное влияние на конструирование постмодернистской картины мира и формирование мировоззренческих ориентиров в современном постиндустриальном, информационном обществе. Одним из выразительных проявлений таких культурных и духовных новаций стал феномен новой религиозности, отразивший разнообразие и неоднозначность форм возрождения религиозной жизни в западном, а затем постсоветском обществе.

Различные новые религиозные течения возникают в западных странах со 2-й половины XX в., как альтернативные формы духовности

или проявления контркультуры; многие из них отличаются крайней эклектичностью религиозной идеологии и философии, спецификой религиозно-психологического воздействия и культовой практики. В 1980-х гг. феномен новой религиозности начинает проявляться на территории СССР, а в 1990-е гг. – на постсоветском пространстве, в странах СНГ, включая Беларусь. Поиск его истоков предполагает обращение к тем процессам, что протекали в общественно-культурной и духовно-нравственной жизни во второй половине XX в. и обусловили изменения в массовом сознании, приведшие к всплеску новой религиозности.

По мнению многих западных исследователей, в разного рода социокультурных изменениях, имевших место в западном обществе начиная с 60-х гг. XX в., проявляется феномен социальной трансформации, который влечет за собой отчуждение индивида от прежних социальных структур и объединений и поиск новых, что и обусловило возникновение новых религиозных движений. Основные же причины этого явления заключаются, во-первых, в преобразовании культурных и ценностных ориентиров (поиск новых идеалов, призванных оспорить традиционное христианство и утилитарную культуру Запада); во-вторых, в деформациях социальной структуры (например, деинституализация многих аспектов частной жизни, что приводит к нравственной и психологической дезориентации); в-третьих, в изменениях роли и назначения религиозных институтов (связанных с проблемой секуляризации) [1, с. 57-58].

Весьма существенным оказалось влияние социально-психологических факторов на мировосприятие в контексте оценки глобальных общецивилизационных процессов. XX век в восприятии современников выступал не просто рубежом тысячелетий, но и эпохой природных и социальных катаклизмов, свидетельством глубокого кризиса, переживаемого человечеством и поразившего все сферы жизни общества: экологическую, социально-политическую, культурную, духовно-нравственную и религиозную. В массовом сознании это порождало острую психологическую напряженность и становилось основанием для возрождения или оживления религиозных чувств, особенно мистических и эсхатологических настроений. Таким образом, оживление религиозности и возникновение новых религиозных движений отражало реакцию людей на кризисное состояние социума, актуализировавшее компенсаторную функцию религии.

Генезис новой религиозности на постсоветском пространстве был обусловлен еще и спецификой социальной и духовной ситуации, сложившейся в последнее десятилетие XX в. Наступивший после распада СССР глубокий кризис, вызванный ломкой прежних государственно-политических, социально-экономических и идеологических основ, и

трансформационные процессы переходного общества создали благоприятную почву для распространения новых религиозных движений. Социальные негативы: падение жизненного уровня, безработица, рост преступности и коррупции, наркомания, алкоголизм, духовно-нравственная деградация – приобрели ранее неизвестные масштабы. Это накладывалось на атмосферу идеологического и духовно-психологического кризиса, связанного с крушением прежней системы базисных мировоззренческих ориентаций и коммунистической идеологии, формируя пессимистическое социальное мироощущение, состояние страха, тревоги, неуверенности. С другой стороны, проявления морального кризиса и бездуховности вызывали, как обратную реакцию, «усиленное стремление людей к восприятию духовно-моральных, особенно религиозных, ценностей» [2, с. 10]. Возникшая необходимость заполнения образовавшегося мировоззренческого вакуума и поиска новых смысложизненных ориентиров приводила к возрождению религиозности, принимавшему разные, подчас неоднозначные формы, одной из которых стало увлечение новыми религиями.

Фактическое же отсутствие контроля со стороны государственных властей конфессиональной ситуации в данный период способствовало активизации и неограниченной деятельности новых религиозных организаций [3, с. 67]. Таким образом, идеологический плюрализм и духовная свобода, преломившись сквозь призму сложившейся социокультурной ситуации, приобрели и неожиданно проблематичную форму, проявившуюся в активизации и бесконтрольной деятельности новых религиозных организаций. Этому способствовала и специфика религиозной ситуации в начале 1990-х гг., заключавшаяся, во-первых, в трудностях восприятия людьми вероучения и культовой практики традиционных конфессий из-за отсутствия религиозного опыта; во-вторых, в институциональных и организационных проблемах у традиционных церквей, а также внутри- и межконфессиональных противоречиях. Это объясняет легкость увлечения новой религиозностью, мистицизмом, оккультизмом и т.д., чему способствовали также массовый интерес к необычным, экзотическим духовным новациям, «мода на сакральное».

В результате, генезис новой религиозности проявился в возрождении и распространении суеверий и паранаучных знаний (астрология, мантика, экстрасенсорика, уфология и т. д.), усилении миссионерской деятельности зарубежных проповедников и религиозных центров, появлении местных неокультов, росте числа соответствующих организаций и активизации их деятельности, религиозно-мистической и оккультной пропаганде в СМИ. При этом стоит учитывать и субъективно-психологические факторы, обеспечивающие подверженность индивида манипуляциям сознанием, что активно используется в психотехниках по привлечению и обработке

адептов многими неокультовыми организациями, особенно т.н. «деструктивными сектами».

Итак, если в Западной Европе и Америке неорелигии возникают как альтернатива традиционной религиозности, то в постсоветских странах – еще и как следствие плюрализации всех общественных процессов и религиозной жизни, в частности, «проявление голода и своеобразного идеологического протеста» [4, с. 235]. Масштабы распространения новых религиозных движений в мире, трансляция ими новых религиозных ценностей и идеологических концептов, а также занятие определенной социальной, культурной и политической ниши в обществе отражают их становление в качестве влиятельного феномена в мировоззренческой системе эпохи постмодерна. В то же время неоднозначные духовно-психологические воздействия, инциденты асоциального и антисоциального характера в истории деятельности многих новых религиозных организаций позволяют отметить и деструктивный потенциал, присущий данному явлению.

Литература:

1. Можейко, Л.М. Феномен неокультов как объект рефлексии: важнейшие подходы и результаты / Л.М. Можейко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. Гіст. Філ. Паліт. – 2002. – № 2.
2. Бабосаў, Я.М. Сацыяльна-рэлігійная сітуацыя ў постсацыялістычнай Беларусі / Я.М. Бабосаў // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 1995. – № 3.
3. Гурко, А.В. Новые религии в Беларуси: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. – Минск: МИУ, 2006.
4. Землякоў, Л. На пераломе: рэлігія ў сучасным беларускім грамадстве / Л.Землякоў // Полымя. – 1996. – № 11.

КУЛЬТУРА МЕГАПОЛИСА: СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ

В.Н. Ксенофонов, г. Москва, Россия

Сложные и актуальные проблемы модернизации российского общества и перспективы его развития выдвигают на передний рубеж научных исследований выяснения места и социальной роли культуры как важного феномена. Особое значение в этой связи приобретает анализ состояния, детерминантов и тенденций развития сферы культуры в крупных мегаполисах, ее роли в духовной жизни горожан.

Следует подчеркнуть, что важным показателем в выяснении культуры, её состояния и приоритетов применительно к такому массиву, как москвичи, петербуржцы и минчане выступают социологические исследования.